

Введение

Как «феномен религиозности» стал главным из мировых вопросов

За последние несколько десятилетий религия исподволь пропитала собой всё наше окружение, а может даже вошла в число важнейших наших забот. Где бы мы ни оказались – в Париже, Нью-Йорке, Бейруте, Багдаде, Стамбуле, Москве, Нью-Дели или Джакарте – повсюду телеэкраны, заголовки газет и еженедельников говорят нам о религии. Мы открываем или, как считают некоторые, переоткрываем странный, тревожащий нас мир, считавшийся исчезнувшим. Это раньше мы были либералами, социалистами, коммунистами, националистами стран, недавно обретших независимость, могли различаться всевозможными расцветками, связываемыми с этими ярлыками, то есть быть ультраправыми, правыми, центристами, социал-демократами, марксистами, сторонниками Москвы или Мао, борцами за свободу третьего мира и т.д. Но теперь всё иначе: мы, в первую очередь, – приверженцы «французской» светскости или «англосаксонского» мультикультурализма, жители новообразовавшихся стран, идущих к демократии, и, разумеется, иудеи, христиане и мусульмане, католики, протестанты, православные, сунниты, шииты, индуисты или буддисты.

Всего лишь тридцать лет назад: мир без Бога

Мы страстно высказываем доводы за или против ношения «хиджаба». И с тем же рвением мы обсуждаем терроризм и его связи с исламом и Кораном. Но также мы обсуждаем государство Израиль, антисионизм, анти-семитизм или последний фильм о страстях Христовых. На Западе во время салонной беседы или на званом

ужине каждый может оказаться потомственным иудеем или протестантом, который будет пространно излагать свое мировоззрение, свои суждения о недавних или сегодняшних событиях. А на Востоке во время разговора интеллектуалов на те же самые темы эрудиция участников неизбежно свернет на ислам, толкование той или иной суры Корана, последнее заявление бин Ладена, разделение брэнного и духовного и связанные с ним проблемы. Что более странно, в тех же дискуссиях речь заходит о легитимности вооруженного сопротивления на оккупированных палестинских территориях или в Ираке, о равном безумии Буша и бин Ладена, об оранжевых революциях или революциях роз, наконец о бейрутской «весне»¹.

Всем тем, для кого сознательная жизнь начиналась с шума и ярости 1950 и 1960 годов, как на Востоке, так и Западе, всё это кажется каким-то абсолютным вселенским переломом. Наиболее удивительной представляется, возможно, не столько радикальная природа этого изменения, сколько та скрытность, с которой оно произошло – за нашими спинами, так что мы его даже не заметили. Ещё вчера, всего лишь тридцать лет назад, нельзя было обнаружить ни одного из элементов этих новых декораций нашего мира. А сегодня мы окружены, зажаты, даже задушены их повсеместным присутствием. Но нам неизвестно, откуда они взялись, кто их нарисовал и столь удачно расставил вокруг нас.

О молодом поколении, его мыслях, мотивах, формирующихся на фоне этих декораций, с которыми оно столкнулось чуть ли не при рождении, мы знаем немного. Многие не попадают под их влияние, остаются

¹ В начале 2005 году в Киеве начались массовые манифестации, направленные против переизбрания президента республики, срок которого заканчивался: его обвинили в пророссийской позиции и стремлении к диктатуре; через несколько месяцев столь же масштабные манифестации начались в Бейруте после убийства премьер-министра, который ускорил вывод сирийских войск из Ливана.

равнодушными, не желая поддаваться на новые фантазмы взрослых; а другие, те, что живут по обеим берегам Средиземноморья, мобилизуются и – по самым разным причинам – поддаются чарам декораций, отождествляясь с тем или иным из узоров религиозной или этнико-религиозной идентичности, предлагаемых им лабиринтом нового мира, сфабрикованного в последние десятилетия. В 1960 годы специалисты и эксперты говорили об этнико-национальных движениях. Сегодня же, как мы увидим, всё, похоже, захватывается религиозной идентичностью: иудео-христианский Запад, мусульманский или арабомусульманский мир, Иерусалим, ставший «вечной» столицей государства Израиль, Мекка, Рим – все они стали мирными или воинственными пунктами сбора; так же как Москва, Афины или Белград – средоточиями жизни православной церкви, возрожденными падением коммунизма. При этом протестантский фундаментализм, новые евангелисты или «рожденные заново христиане» (*born again Christians*) тоже принимают весьма шумное участие в создании новых декораций. Зрелищные поездки папы Иоанна-Павла II, а затем его кончина и похороны в апреле 2005 года стали крупнейшими медийными событиями общемирового уровня.

Азиатский континент неспокоен: во вполне светской Индии пробуждается индуизм, а за ним следуют убийства как мусульман, так и индуистов, особенно в районе храма Амритсар; жестокие схватки в Кашмире, где исламское сопротивление, поддерживаемое Пакистаном, выступает против индийской части этой мятежной провинции; в том же ряду – мусульманское восстание на Филиппинах, покушения террористов-смертников в Индонезии, самой густонаселенной из мусульманских стран; Далай-лама, духовный вождь Тибета, живущий в вечном изгнании, стал интернациональным медиа-персонажем.

Нужно ли упоминуть, чтобы заметить яркость декораций, в которых мы живем, те старые центры религиозного

добрососедства, которые были взорваны и распались на куски: Ливан, ставший жертвой демонов религиозного раздробления, бушевавших на протяжении 1975-1990 гг., многорелигиозную и многоэтническую Боснию, рассыпавшуюся вместе с ушедшей в небытие Югославией. Можно также было бы упомянуть об ужасной чеченской драме, о более ранних событиях в Шри-Ланке, Афганистане, о талибанах или об Ираке, с которым после американского вторжения вообще непонятно что будет и где теперь мы видим лишь шиитов, суннитов и курдов, которые веками жили друг с другом, но теперь стремятся во что бы то ни стало обособиться, вступив в схватку. К этой бесконечной веренице кровавых и смертоносных декораций, над которыми витает тень религии, добавляются массовые убийства в Алжире 1990-х и вездесущая фигура бин Ладена.

Однако полвека назад цвета образов и декораций мира не имели религиозного оттенка. Бог – в своих разных обликах и наименованиях – не руководил разработкой и организацией этих декораций. Возможно, он с ужасом во взоре продолжал обозревать чудовищную бойню многочисленных войн за освобождение, в которых, к счастью, его имя не упоминалось. Кое-кто из его паствы перешел даже к проповеди теологии освобождения², становясь на сторону колонизированных и угнетенных. Папы в те времена редко отправлялись в путешествия, а больше занимались тем, что стирали пыль с Римской католической церкви, пытаясь сделать ее доступной для других религий и для народов Третьего мира.

Если открыть фотоальбом тех лет, в котором сохранились фотографии с Востока, в нём почти не увидишь исламских бород и еще меньше – хиджабов женщин. В те времена поражали «маоистские» или «вьетнамские»

² Leonardo Boff, *Qu'est-ce que la théologie de la libération?*, Cerf, Paris, 1987.

одеяния – если двигаться с Ближнего Востока на Дальний Восток. В Европе и в США на головах иудеев редко можно было увидеть киппу, а на груди христиан – крест; священники уходили в рабочие, меняя сутану на робу; режиссеры думали не о том, как снять фильм о страстях Христовых, о Магомете или о Холокосте, а создавали утонченные комедии нравов, смешные и сентиментальные; в лучшем случае могли снять историю смелого кюре Дон Камилло и не менее отважного мэра-коммуниста из живописного итальянского городка, уморительные водевили вроде фильма «Рев мыши» (*The Mouse That Roared*), в котором микроскопическое государство пытается шантажировать США, или фильм о докторе Стрэйнджлаве и его неудержимом желании применить атомную бомбу.

Тогда казалось, что мир живёт, не ощущая повсеместного присутствия Бога. Можно было подумать, что в результате деколонизации, освободившей значительные территории мира, простая, светская, гуманистическая мораль достигла всеобщего признания, которого ранее у неё никогда не было (она включала в себя право народов на самоопределение, на выбор политического и социального режима, уважение к национальному суверенитету, международное сотрудничество с целью лучшего распределения мировых богатств и т.д.). Не понадобился ли Богу поэтому, как скажет кое-кто позже, некий «реванш», способствующий распространению той моды, которую со всем своим талантом будут раскручивать раскаявшиеся в своих тоталитарных заблуждениях бывшие марксисты? В конце 1970 годов целое поколение французских «новых философов» сбросило марксистские или экзистенциалистские (в стиле Жана-Поля Сартра) одежды, чтобы расплатиться за свои грехи, разоблачив эти идеологии и объявив их ответственными за тоталитаризм и все несчастья мира. Неужели с миром все было настолько плохо, что ему не оставалось ничего другого, кроме как призвать на помощь Бога, снова обратиться к нему для того, чтобы оправдать

вереницу нового насилия и новых «варварств», которые разразятся десять лет спустя, когда рухнет Советский Союз, – в Югославии, в Афганистане, в Чечне, Ираке, а также в Африке, – когда вроде бы только-только ушли в прошлое ужасы «короткого XX века», который был веком «крайностей», идеализма, фанатизма и расизма³?

Как декорации сцены мира, которые нас окружают и в которых мы отныне живём, могли измениться столь внезапно? Как стало возможным осуществить такое драматическое преобразование за столь короткий промежуток времени? Ещё вчера, в 1989 году, пала Берлинская стена, открыв новое пространство свободы. Ещё вчера, в 1991 году, Кувейт был освобожден самыми впечатляющими со времен Второй мировой войны союзническими действиями, а президент США объявил об установлении нового международного порядка, справедливого и честного по отношению ко всем сторонам, порядка, в котором агрессия сильного против слабого будет и впредь сурово караться. Ещё вчера, в 1992 году, американский политолог Фрэнсис Фукуяма стал всемирной знаменитостью из-за своей книги, в которой провозглашался «конец Истории»⁴, к которому мы пришли благодаря триумфу демократической системы и её безоговорочной победе над всеми сегодняшними и будущими монстрами авторитарных или диктаторских режимов.

³ Eric Hobsbawm, *L'Âge des extrêmes. Histoire du court XXe siècle*, Complexe, Bruxelles, 1999. [Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век 1914-1991. М., 2004. – Здесь и далее в квадратный скобках указываются соответствующие русские издания. – Прим. перевод.]

⁴ Francis Fukuyama, *The End of History and the Last Man*, Penguin, London, 1992 (фр. перевод: *La Fin de l'Histoire et le dernier homme*, Flammarion, Paris, 1995) [Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2010].

Идентичности, корни, воспоминания: новые декорации мира

Через год после громкого успеха работы Фукуямы другой американский политолог, Сэмюэль Хантингтон сообщил нам о неизбежном «столкновении цивилизаций» (под которым понималось, главным образом, столкновение религий)⁵. Тогда как во Франции обеспокоенный специалист по исламу Жиль Кепель пообещал нам «реванш Бога», а также описал возникновение «исламских пригородов» на периферии разросшихся европейских городов⁶. В те годы в США и Европе появилось множество

⁵ Samuel Huntington, “The Clash of Civilisations?”, in *Foreign Affairs*, summer 1993 (французский перевод: *Le Choc des civilisations*, Odile Jacob, Paris, 1997) [Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003]. Значительная часть мировой интеллектуальной повестки дня в области геополитики начала XXI века организована тезисами этой книги, ставшей важной вехой, а Хантингтон стал одним из архитекторов представлений о новом мире, в котором нам приходится жить.

⁶ Gilles Kepel, *La Revanche de Dieu. Chrétiens, juifs et musulmans à la reconquête du monde*, Seuil, Paris, 1992; а также его же работу: *Les Banlieues de l’islam. Naissance d’une religion en France*, Seuil, Paris, 1987. Контрапунктом к этой работе может выступать важная книга Пиппа Норрис и Рональда Ингельхарта: Norris P., Ingelhart R., *Sacred and Secular, Religion and Politics Worldwide*, Cambridge University Press, Cambridge, 1994 (см. особенно главу 1, посвященную спору о секуляризации: pp. 3-33). Два этих автора оспаривают тезис «возвращения религиозности», опираясь на многочисленные опросы и количественные данные. Они снова подтверждают корреляцию между ростом уровня индустриализации и благосостояния и ослаблением религиозного чувства и религиозной практики; по их мнению, американское исключение объясняется пуританскими корнями американского национализма (к этому вопросу мы еще вернемся), а также все большим числом семей иммигрантов, приехавших из бедных стран Центральной и Южной Америки, а также с Кариб. В большинстве случаев авторы констатируют сильную корреляцию между усилением чувства незащищенности и обращением к религии, особенно в развивающихся регионах мира. Этот анализ вполне применим и к арабскому миру, разрываемому внутренними или межгосударственными войнами на протяжении уже полувека.

работ по политическому исламу, мусульманскому фундаментализму, «воинам Аллаха»⁷ и «глобальному исламу»⁸. А в 1979 году, в разгар холодной войны, произошло событие, ставшее предвестником новых времён: религиозная революция, которая сметает старую, имперскую по своим претензиям монархию, желавшую выступать в роли светского модернизатора. Иран – страна с тысячелетними корнями, располагающаяся на пересечении азиатских и средиземноморских культур, – вступает в эпоху поразительных преобразований. У одних она вызывает восхищение властью, стремящейся вернуться к духовным корням⁹, у других – ужас перед революцией, которая атакует все символы современности и прежде всего США.

В ту же эпоху в январе 1979 года в США даёт о себе знать ещё один мощный импульс: президент Джимми Картер запускает программу официальных мемориальных мероприятий, посвящённых «европейским евреям», уничтоженным нацистами¹⁰: в Вашингтоне открывается музей Холокоста. С этого акта, привлёкшего внимание множества СМИ, в США и Европе начинается период, когда в господствующих представлениях постепенно будет закрепляться особая чувствительность, отводящая центральную роль поминовению мученического иудаизма, но при этом не способствующая глубокому осмыслению всей совокупности сложнейших факторов, которые привели к этому позорному эпизоду европейской истории¹¹.

⁷ Antoine Sfeir, *Les Réseaux d'Allah*, Plon, 1997.

⁸ Olivier Roy, *L'Islam mondialisé*, Seuil, Paris, 2004.

⁹ Michel Foucault, "À quoi rêvent les Iraniens", *Le Nouvel Observateur*, 16 octobre 1978 (цитируется в: François Dosse, *La Marche de idées. Histoire des intellectuels, histoire intellectuelle*, La Découverte, Paris, 2003).

¹⁰ Raul Hilberg, *La Destruction des Juifs d'Europe*, Fayard, Paris, 1988 (карманное издание: Gallimard, coll. «Folio/Histoire», Paris, 1991, 2 vol.).

¹¹ Напротив, можно вспомнить о той буре, которую подняли критические размышления Ханны Арендт по поводу процесса Эйхмана в Иерусалиме (Hanna Arendt, *Eichman in Jerusalem. A Report on the Banality of Evil*, The Viking Press, New York, 1963; фр. перевод: *Eichman à*

Государство Израиль, как убежище выживших в геноциде, приобретет новый смысл – более впечатляющий, чем тот, что был утверждён силой его оружия и территориальными завоеваниями: отныне оно является наследником миллионов жертв, хранителем религии, к которой История отнеслась не слишком благосклонно¹². Поэтому в политических и информационных кругах Америки и Европы уместным становится искать и находить в своей генеалогии потомственных иудеев, писать эссе об иудаизме, готовить новые публикации Библии и упоминать о «памяти Авраама»¹³ или даже о «крови Авраама», говоря об арабско-израильском конфликте¹⁴.

В те же годы работы Лео Штрауса (1899-1973 гг.), эмигрировавшего в 1937 году в США немецкого философа, размышлявшего о противоположности гуманизма Просвещения и логики религиозного Откровения, внезапно приобретают большую известность¹⁵. Штраус исследовал составляющие этой непреодолимой, с его точки зрения, дилеммы, размышляя о положении евреев и проблеме эмансипации европейских евреев, которую политиче-

Jerusalem. Rapport sur la banalité du mal, Gallimard, coll. «Folio/Histoire», Paris, 1991 [Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. М., 2008]); а также нападки на работу американского историка Арно Майера: Arno Mayer, *La "Solution finale" dans l'histoire*, La Découverte, Paris, 1990. Мы этому вопросу еще будем возвращаться.

¹² Эту основополагающую трансформацию в мировосприятии мы подробно проследили в работе «Взорванный Ближний Восток»: Georges Cormes, *Proche-Orient éclaté. 1956-2003*, Gallimard, coll. «Folio/Histoire», Paris, 2003 (первое издание: La Découverte, Paris, 1983), глава 21 «Сложность израильской динамики и возрождение иудаизма», pp. 830-890.

¹³ Marek Halter, *La Mémoire d'Abraham*, Laffont, Paris, 1983.

¹⁴ Именно это делает в своей работе бывший президент США Джимми Картер, которому удалось заключить мир между Египтом и Израилем в 1978-1979 гг. (Jimmy Carter, *The Blood of Abraham. Insights to the Middle East*, Houghton Mifflin, Boston, 1985).

¹⁵ См.: Daniel Tanguay, *Leo Strauss, une biographie intellectuelle*. Le Livre de poche, Paris, 2003.

ский либерализм, возникший из Просвещения, не смог решить. Платоновскую логическую модель и скандал смерти Сократа (то есть Афины) он противопоставляет модели божественного Откровения, пророчества и божественного Закона (то есть Иерусалиму)¹⁶, причём первая, в конечном счёте, не способна, по его мнению, доказать свое превосходство над второй, тогда как политический сионизм, как решение еврейской проблемы, вдохновляемое европейским либерализмом и национализмом, не может не увлечься возвращением к религиозной иудейской традиции.

Со своей стороны Жак Лакан на пресс-конференции 1974 года в Риме решительно заявит о полном превосходстве религии над психоанализом: «Она одержит верх не только над психоанализом, но и над многими другими вещами. Мы просто не можем себе представить, насколько религия сильна [...] Ведь религия, особенно истинная, обладает ресурсами, которые даже невозможно предпо-

¹⁶ Leo Strauss, "Jerusalem and Athens. Some preliminary reflections", The First Frank Cohen Public Lecture in Judaic Affairs, *The City College Papers*, № 6, 1967 (во французском переводе вошло в издание: Leo Strauss, *Études de philosophie platonicienne*, Berlin, Paris, 1992). Влияние работ Штрауса было огромным. Их отзвуки мы можем обнаружить даже в блестящей лекции о будущем Европы, прочитанной знаменитым эссеистом Джорджем Стейнером, в которой он утверждает: «Двусмысленный груз прошлого в идее и самом существовании Европы проистекает из первичной двойственности. [...] Речь идет о двойном наследии Афин и Иерусалима. [...] Быть европейцем – значит пытаться примирить (морально, интеллектуально и экзистенциально) соперничающие идеалы, требования, *праксис* полиса Сократа и града Исайи»; развивая еще больше метафору Штрауса, Стейнер заявляет: «В тексте западного бытия, в сознании мира мы не найдем ни одного жизненного узла [...] который не был бы затронут древнееврейским наследием. [...] Иудаизм и два его главных постскриптума – христианство и утопический социализм – это потомки Синая, даже там, где сами евреи были презираемой и преследуемой горсткой людей» (George Steiner, *Une certaine idée de l'Europe*, Actes Sud, Arles, 2005, pp. 36-37 и 41-42).

ложить. Достаточно посмотреть, к примеру, на то, как она копошится. Это просто чудо. [...] С самого начала, всё то, чем является религия, заключается в придании смысла вещам, которые когда-то были естественными вещами. Но не чтобы вещи теперь станут менее естественными, благодаря реальному, что люди перестанут выделять смысл. Религия наделит смыслом самые странные из испытаний, те, из-за которых даже у ученых случаются приступы тревожности. Религия даст всему этому вполне реалистичный смысл. Достаточно лишь посмотреть, как это всё сегодня вертится, как такие смыслы ложатся на страницу»¹⁷. По Лакану, аналитик работает лишь с «симптомом», который не может продолжаться и который будет вытеснен «в силу того, что он будет утоплен в смысле, в религиозном, разумеется, смысле»¹⁸.

В действительности, в нижеследующих главах мы увидим, что декорации поколения, жившего после Второй мировой войны, несмотря на свою внешнюю прочность, были изъедены изнутри, а материал, из которого они были изготовлены, страдал множеством дефектов. Мы постараемся выявить их и проанализировать, чтобы лучше понять это случившееся за 1990-е годы столь быстрое изменение декораций мира, ранее считавшихся незыблемыми.

Но что же это за декорации, которые неумолимо принуждают говорить нас об идентичности, о корнях, о религии, когда мы собираемся на политических конгрессах,

¹⁷ Jacques Lacan, *Le Triomphe de la religion*, Seuil, Paris, 2005, pp. 79-80; По Лакану, «Истинная религия существует. Это религия христианская», и именно она одержит победу благодаря своей способности «находить во всем смысл» (р. 81). Прямо противоположное утверждает Стейнер: «Жестокая истина заключается в том, что до сего момента Европа отказывалась признавать и анализировать, не говоря уже о том, чтобы осуждать, ту полновесную роль, которую христианство сыграло в темной ночи истории. [...] Сегодня христианство – это сила, находящаяся на пути к исчезновению» (George Steiner, *Une certaine idée de l'Europe*, op. cit., p. 55).

¹⁸ Jacques Lacan, *Le Triomphe de la religion*, op. cit., p. 82.

на коллоквиумах или круглых столах? Даже если мы агностики, нас приглашают заново открыть наш Коран, без конца обсуждать толкование его сур, перечитывать нашу Библию или Тору, – ради того, чтобы лучше понять, а затем и принять эту новую декорацию или же поучаствовать в выравнивании её излишне шероховатых участков. Эта, многое определяющая, декорация в основном сложена из газет и телевизионных дебатов, из обложек самых престижных европейских и американских еженедельников: они объявляют и объясняют нам всё то, что нужно знать об иудаизме, исламе, евангелистском возрождении в США, взрыве религиозного национализма в Индии...

Конец политического или захват религиозности политикой?

В общем, нас не удивит невыносимая тяжеловесность разговоров о религии, кочующих с Востока на Запад, с Севера на Юг, с Запада на Восток и обратно. Все эти декорации – от политического фундаменталистского или фанатичного памфлета, взывающего к авторитету религии, памяти и идентичности, до успокоительного в своей взвешенности академического или журналистского дискурса, перетасовывающего избитые клише и несколько не озабоченного их уточнением, – все они создают искаженную перспективу вездесущей религиозности и религии, непрерывный и раздражающий фоновый шум, от которого иногда, в момент какого-нибудь кризиса, просто глохнешь, – он не дает нам прислушаться к истинным звукам мира во всем их многообразии. Что ещё мы можем услышать, какую часть подлинной жизни мы можем воспринять помимо этой новой декорации и шумовой завесы, произведённой ею, какие истинные цвета и голоса жизни мы способны заметить? И если идеологии прошлого могли смутить наш взор шорами, исказить наше восприятие реальности, не ослепляют ли нас в ещё большей степени

сегодняшние речи о Боге, возвращении религиозности, испорченной идентичности или пробужденной памяти?

Каковы функции этой декорации? Что она скрывает, камуфлирует или искажает? Наблюдаем ли мы «конец политического» в благородном значении этого термина, или же политическое – в предельно оппортунистическом, мелочном и лишенном всякого идеализма смысле – смогло полностью захватить наш мир, призвав на помощь религиозность и сакральное, дабы лучше замаскироваться, посеяв страх и ужас, который вызывают эти феномены в нашем бессознательном? В таком случае мы, видимо, имеем дело с новой формой идеологии, гораздо более опасной, нежели вчерашняя идеология, объявленная умершей, ведь она работает прежде всего за счет психологического утешения, производимого упоминанием о сакральном.

Конечно, можно посчитать, что до всего этого ещё далеко и что возвращение или возрождение религиозности – всего лишь проявление истинной свободы, обретённой благодаря крушению старых тоталитарных или тотализующих систем мышления, включая диктатуру националистических и светских идей, которые правили миром в своей либеральной или марксистской версии. Идеологический неоконсерватизм, легитимирующий расширение имперской американской власти, оказывается в таком случае «новым гуманизмом» XXI века, который восстанавливает утраченные ценности авторитета и традиции¹⁹. А человек якобы обретает заново ту размерность, которая была утрачена им под влиянием Модерна – размерность корней, исходной идентичности, то есть религиозной матрицы как таковой. Это обретение выписывается в виде благодеяния постмодернистской демократии. Конечно, силы зла, скрывающиеся в недоразвитом мире ислама,

¹⁹ См., например: Yves Roucaute, *Le néoconservatisme est un humanisme*, PUF, Paris, 2005.

попытаются подорвать это новое завоевание демократии, но им мы ответим безжалостной войной, даже если «Союзники» могут расходиться во взглядах на средства, которые в этой войне следует задействовать.

В данном эссе мы не будем напрямую вступать в подобные дебаты. Скорее, мы попытаемся прояснить наши познания, понятия, системы мышления о мире, которые сегодня, как кажется, претерпевают либо кризис, либо обновление. Какой диагноз выбрать – кризиса или обновления – зависит от нашей общей точки зрения на ход мировых процессов, которая может быть оптимистичной или пессимистичной. Также этот выбор зависит от нашей большей или меньшей привязанности к ценностям «старого» мира, то есть ценностям гуманизма и универсализма Нового Времени, начавшего бурно развиваться в период европейского Возрождения, но пришедшего в упадок из-за ужасов двух так называемых «мировых» войн, а потом и всеобщей запуганности холодной войной, ныне завершённой.

Опустошение, принесенное тремя этими войнами, потрясло философские основания современного или нововременного мира, создало опасную пустоту, которую ныне пытаются заполнить мысль новых консерваторов. Как мы увидим, глубочайшее разочарование в так называемых «прогрессистских» идеях эксплуатировалось многочисленными философскими и политическими течениями, которые вернули к жизни самые крайние формы традиционализма; последний сегодня набирается сил вместе с распространением американского имперского мировоззрения, второе дыхание которого связано с «войной против терроризма», за демократию и экономическую глобализацию рынков.

Развертывание американской военной, научной и экономической власти, которая стремится возвыситься надо всеми имперскими системами, известными по истории человечества, не может не впечатлить. Интеллектуалы

толпятся у дверей, надеясь стать теоретиками «Государя», кустарями его новой легитимности; индивидуальные, профессиональные и финансовые успехи в «новом» мире, возникающем на наших глазах посреди этих декораций, столь экзотичных в силу самой своей непривычности, рассматриваются в качестве дополнительного доказательства благотворной природы новой власти. Бесспорно, бракосочетание возвращающейся религиозности с миром научных и технологических достижений, миром экономической глобализации, воплощающейся в США, может послужить причиной «чудесного» в веберовском смысле этого термина: таких чудес давно никто не видел. Те, кто противятся этому новому порядку, изображаются в качестве мрачных реакционеров, отбросов, которые надо вымести или, по крайней мере, не давать им голоса, поскольку их отказ от нового порядка помогает внешним врагам, тем, кто отрекаются от цивилизации и ее благодеяний.

В данной работе речь пойдет о том, как лучше представить спор, который мы только что обозначили. В частности, мы попытаемся понять изъяны в устройстве старых, исчезающих декораций, чтобы отчетливее уяснить слабости декораций новых, о которых мы пока не можем сказать, в какой мере они завершены и насколько долговечны. Для этого важно преодолеть нашу естественную склонность, заставляющую игнорировать обратную сторону таких декораций, не видеть реалии, ставшие слепыми пятнами господствующих представлений, определяющих содержание здравого смысла. И если мы понимаем, что истина множественна и зависит от угла зрения, с которого мы смотрим на реальность, довольствоваться одним лишь осмотром декораций, которые возводят вокруг нее, – значит окончательно удалиться от анализа новых, недавно сформировавшихся систем. Которые мы уже считаем «режимами истины», если использовать выра-

жение, которое любил Мишель Фуко²⁰; или, как замечательно сформулировал Пьер Лежандр, «догматической памятью современного Запада, памятью, которая задействована в историческом времени, но также и во времени мифологическом»²¹. Пьер Шоню, со своей стороны, не колеблясь говорит о «ярости припоминания»²².

На протяжении всего этого исследования мы будем пытаться прояснять язык и концепции, которые вращаются вокруг представлений об идентичности, культуре, цивилизации, соотносясь с концепциями и восприятием религии, истории, философии и организации города. Именно при помощи той культуры, которую когда-то называли – с изрядной скромностью – культурой «честного человека», мы в первых трех главах предпримем это опасное, но, надеюсь, спасительное путешествие, требующееся для анализа строительных материалов новых декораций, посреди которых нам приходится жить.

В последующих главах мы сможем перейти к сложнейшим проблемам отношения модерна и постмодерна к религии, проблемам кризиса международного порядка, чтобы расшифровать наконец тенденции и потенциалы бу-

²⁰ Michel Foucault, *Philosophie. Anthropologie*, Gallimard, Paris, 2004.

²¹ Pierre Legendre, *Ce que l'Occident ne voit pas de l'Occident*, Mille et une nuits, Paris, 2004, p. 47. Весьма конформистское и наивное представление этой памяти можно найти у Филиппа Немо: Philippe Nemo, *Qu'est-ce que l'Occident?*, PUF, Paris, 2004.

²² В своем замечательном предисловии к изданию текстов Лютера (Martin Luther, *Les Grand Écrits réformateurs*, Flammarion, Paris, 1992) он пишет: «Беспамятное общество – это возмездие за рост, ведь мы припоминаем все что угодно. Мы праздновали 450-ю годовщину Аугсбургского исповедания (1980), рождение Лютера (1983), трехсотлетие отмены Нантского эдикта (1985), 450-летие публикации в Женеве “Наставления в христианской вере” и “О реформе” (1986); 1989 год стал предлогом для *галлопоклоннических жестикующих* (двухсотлетие пропустить никак нельзя), а этим доказывается, что чувство юмора по отношению к самим себе встречается среди людей столь же редко, как и здравый смысл, столь щедро пообещанный нам Декартом» (p. 4).

дущего развития. Мы попытаемся выяснить, в какой мере на волне глобализации, захватившей мир еще несколько веков назад и порождающей комплексный мультикультурализм как явление, одновременно привлекающее и отталкивающее, мы всё ещё можем надеяться сохранить пространство «республиканского настроя», то есть гражданственности и политической морали, освобожденной от судорог идентичности, религии или этноса.

Хотя эта тема всё ещё остается привлекательной, её всё больше считают преодолённой новыми «реалиями», всё чаще она рассматривается в качестве ностальгической мечты. Однако мы ощущаем и то, что эти плохо определённые и еще хуже понятые новые реалии, к которым относят глобализацию, терроризм, мультикультурализм, возвращение религиозности, взрывное распространение индивидуальных свобод, требуют новой рефлексии. Рефлексии, которая не будет сводиться к оптимистической очарованности благодеяниями глобализированного мира и постиндустриальной демократии, очарованности, порой излагаемой в форме академических работ, и в то же время не будет пессимистическим отказом от этого нового порядка и ностальгией по порядку старому, по «Славному тридцатилетию» Европы, по антиимпериализму, достигшему своего триумфа в антиколониализме, по светскому гуманизму, который напрямую определил надежды людей всех континентов, хотя и внес в них множество противоречий.

Неоконсерватизм и возвращение религиозности

Нижеследующие страницы являются продолжением старого интеллектуального пути, начатого еще на скамье Сорбонны более сорока лет назад, когда я решил посвятить свою докторскую диссертацию влиянию религиозного плюрализма на политические системы средиземно-

морского бассейна²³. Выбор моей темы был продиктован озабоченностью судьбой моей страны, Ливана, «исторической» родины религиозного плюрализма, которая преждевременно, еще в конце XVII века, открылась влиянию европейского Нового времени, пережив в итоге множество социальных, политических и культурных бед. Прослеживая хронологию возникновения различных моделей религиозного сосуществования, я решил, что различие языческих и монотеистических обществ можно считать решающим для организации города, своеобразным водоразделом. Из исследования классического язычества я вывел, что оно представляло собой теологическую систему, идеально приспособленную для согласования этнических и религиозных различий, поскольку народ-завоеватель принимал в свой пантеон богов побежденного народа, осуществляя, таким образом, расширение своей базовой мифологии.

Этот механизм объединения, который Римская империя смогла довести до совершенства, столкнулся сначала с непримиримостью еврейского монотеизма, а затем – с отказом христиан приносить клятву императору; а исчез он тогда, когда христианство стало официальной религией империи. Исламская религия, не такая несговорчивая, как христианство, являясь последним отпрыском монотеизма, признавала религиозное многообразие, а в мусульманском праве был выработан режим автономии, которая предоставлялась еврейским и христианским сообществам, получавшим возможность жить, как и раньше, по собственным законам. Османской империи удавалось долгое время поддерживать эту систему в качестве отдельного института;

²³ Georges Corm, *Histoire du pluralisme religieux dans le Bassin méditerranéen*, Paul Geuthner, Paris, 1998 (первоначально опубликовано под заглавием: *Contribution à l'étude des sociétés multiconfessionnelles. Effets socio-juridiques et politiques du pluralisme religieux*, Bibliothèque constitutionnelle et de sciences politiques, tome XLII, Librairie générale de droit et de jurisprudence, Paris, 1971).

однако склоняясь к упадку и, поддавшись влиянию новых идей Французской революции, она рухнула, вызвав ужасающее кровопролитие, спровоцированное именно этим режимом плюрализма, который начали эксплуатировать противоборствующие европейские амбиции.

Многоэтничная империя Габсбургов сопротивлялась не дольше. Эту историю я попытался описать позже в работе «Европа и Восток»²⁴, где был выполнен всесторонний анализ проблем многосоставных обществ Балкан и Ближнего Востока, в которых институциональный плюрализм всё больше сжимался как шагреновая кожа под влиянием политического модерна, занесённого идеями и широкомасштабными манёврами европейских наций. Затем ту же траекторию исследований я продолжил в многочисленных размышлениях о современной истории арабского мира и Ближнего Востока, об их сложных и страстных отношениях с просвещенческой Европой, проявившихся, в частности, в спорах об исламской или светской природе современного арабского национализма, в безжалостной борьбе двух этих концепций, попавшей в поле действия мировых геополитических игр, холодной войны и тех волнений, которые в арабском мире были вызваны созданием государства Израиль²⁵.

В книге «Восток-Запад, воображаемый разлом», вышедшей в 2002 году, я попытался, сделав привязку к первой годовщине теракта 11 сентября 2001 года в США, подвести итог этим размышлениям, которые я продолжаю здесь, обращаясь ко всем тем драматическим событиям, которые всё это время сотрясали мир, ускорив смену декораций и изменение языка, динамику которых я пытаюсь здесь прояснить. Мой путь остается верным определённым

²⁴ Georges Corm, *L'Europe et l'Orient. De la balcanisation à la libanisation, histoire d'une modernité inaccomplie*, La Découverte, Paris, 1989 (карманное издание: 2002 и 2005).

²⁵ Georges Corm, *Le Proche-Orient éclaté 1956-2003*, op.cit.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине «Электронный универс»

(e-Univers.ru)